

Секретарь нажала кнопку верхнего этажа и всю дорогу сохраняла невозмутимое выражение, словно только что ничего не видела.

Сяо Линъюй стоял в лифте и со сложным выражением смотрел на Цзи Цинцы, который рядом поправлял волосы, глядя в зеркальную стенку.

Что с ним вообще произошло?

Начиная с позавчерашнего дня он словно стал другим человеком. Куда делся тот Цзи Цинцы, который смотрел сквозь Сяо Линъюя и даже немного презирал его?

Кто тогда этот человек, который теперь готов из-за чужих оскорблений с криком броситься в драку, бесстыдно выбивает для него зарплату и способен выдать такую нелепую речь о «зятях-примаках»?

Сяо Линъюй не понимал.

Но должен был признать одно.

В тот миг, когда Цзи Цинцы заслонил его собой и разнёс сотрудницу ресепшена словами, что-то едва ощутимо коснулось уголка его сердца, который давно был покрыт пылью.

— Чего на меня смотришь? — Цзи Цинцы встретился с ним взглядом в зеркале и приподнял бровь. — Очарован моей подавляющей харизмой?

Сяо Линъюй отвёл глаза и без выражения ответил двумя словами:

— Вовсе нет.

— Пф, врёшь и не краснеешь. — Цзи Цинцы надул губы. — Я только что за тебя вступился, а ты вот так со мной разговариваешь?

Сяо Линъюй помолчал и тихо спросил:

— Почему ты мне помогаешь?

Цзи Цинцы моргнул и как о чём-то совершенно очевидном ответил:

— Потому что моего человека могу обижать только я. Остальные? Даже не мечтайте.

Сяо Линьюй:

— ...

И что это за ответ?

Лифт звякнул и остановился на верхнем этаже. Двери медленно разъехались.

Секретарь первой вышла и жестом пригласила следовать за ней:

— Молодой господин Цзи, сюда, пожалуйста.

Цзи Цинцы двинулся следом, но через пару шагов оглянулся на Сяо Линьюя:

— Чего застыл? Идём. И потом не забудь подыгрывать мне.

Сяо Линьюй молча последовал за ним, думая: «Подыгрывать в чём? В очередном фарсе?»

Они прошли по коридору с тёмно-серым ковром. Секретарь остановилась у двери из тёмного дерева и дважды негромко постучала.

— Войдите, — раздался изнутри низкий мужской голос.

За дверью оказался просторный современный кабинет. За панорамными окнами раскинулся оживлённый городской пейзаж, солнечный свет заливал помещение и делал его особенно просторным и прозрачным.

За массивным столом сидел мужчина в чёрном костюме.

На вид ему было около тридцати. Черты лица — глубокие и холодные, между бровями словно лежал вечный иней, а всё его присутствие предупреждало посторонних держаться подальше. Услышав их, он медленно поднял глаза и равнодушно посмотрел в сторону двери.

Цзи Цинцы мысленно присвистнул. Вот это да — ходячий стереотип генерального директора из романтической новеллы: чёрный костюм, ледяное лицо, взгляд, способный заморозить насмерть. Не хватало только таблички на лбу: «Я властный президент».

Цзи Чэнбинь — нынешний глава поколения семьи Цзи, действующий генеральный директор корпорации Цзи и двоюродный брат прежнего владельца тела.

— Садитесь.

Цзи Чэнбинь не тратил лишних слов. Он слегка поднял подбородок, указывая на кресла напротив.

Цзи Цинцы церемониться не стал. Усадил рядом Сяо Линъюя и снова закинул ногу на ногу.

Взгляд Цзи Чэнбиня прошёлся между ними и наконец остановился на Цзи Цинцы.

— Слышал, ты уволил тётушку Чжан?

Быстро же новости расходятся.

Цзи Цинцы ничуть не удивился и с улыбкой ответил:

— Ага. Слишком плохо играет. Зачем держать её до Нового года?

Взгляд Цзи Чэнбиня потемнел:

— Семья Цзи отправила её заботиться о тебе.

— Заботиться? — Цзи Цинцы рассмеялся. — Брат, по-твоему, каждый день докладывать Цзи Сичэню о каждом моём шаге — это забота? Тогда меня действительно окружили вниманием со всех сторон.

Цзи Чэнбинь не стал отрицать. Он лишь долго смотрел на Цзи Цинцы, словно заново знакомился с двоюродным братом, которого раньше считал способным только развлекаться.

Наконец спросил:

— Ты пришёл только ради этого?

— Конечно нет. — Цзи Цинцы перестал улыбаться и откинулся на спинку кресла. — Я пришёл за зарплатой.

Брови Цзи Чэнбиня слегка шевельнулись:

— За какой зарплатой?

— За зарплатой Сяо Линъюя, конечно. — Цзи Цинцы говорил так, словно это было само собой разумеющимся. — Пока прадед был жив, он установил для него конкретную сумму. Прадеда не стало — и выплаты сразу прекратились. Уже больше года, кажется? Человек ушёл — и чай остыл так быстро?

Взгляд Цзи Чэнбиня стал холоднее:

— Ты решил за него заступиться?

— Это не я за него заступаюсь. — Цзи Цинцы покачивал ногой. — Это вы слишком уж откровенно пользуетесь тем, что он беззащитен. К тому же это совместное имущество супругов. Он зять-примак, значит, его зарплатой распоряжаюсь я. Вы не платите ему — значит, обдираете меня. А вот этого я терпеть не обязан.

Сяо Линъюй сидел рядом и, услышав такое объяснение, едва заметно дёрнул уголком губ.

Этот человек... что угодно способен свести к самому себе.

Цзи Чэнбинь помолчал несколько секунд, затем внезапно посмотрел на Сяо Линъюя:

— Сяо Линъюй, а ты что скажешь?

Сяо Линъюй спокойно встретил его взгляд:

— Я его слушаю.

Цзи Чэнбинь слегка прищурился, словно ответ оказался неожиданным.

Цзи Цинцы довольно улыбнулся:

— Слышал? Он сказал, что слушает меня. Так что, брат, зарплату отдашь или нет?

Цзи Чэнбинь отвёл глаза и дважды постучал длинными пальцами по столу. По голосу невозможно было понять его настроение:

— Сколько задолжали?

Цзи Цинцы подготовился заранее. Он вытащил из кармана смятый лист бумаги, развернул и начал читать:

— По ставке, которую установил прадед: двадцать тысяч юаней в месяц. Один год и три месяца — итого триста тысяч. Плюс надбавки за праздники, жару, холод, моральный ущерб и компенсация за унижение достоинства... Последнее я добавил на месте. Давайте округлим до пятисот тысяч.

Сяо Линьюй:

— ...

Цзи Чэнбинь:

— ...

В кабинете повисла странная тишина.

Секретарь стояла у двери и изо всех сил сохраняла непроницаемое лицо, но уголок её рта, кажется, всё-таки дёрнулся.

Наконец Цзи Чэнбинь заговорил, и его голос стал ещё холоднее:

— Цзи Цинцы, ты считаешь, что мне нечем заняться?

Цзи Цинцы невинно моргнул:

— Нет. Я просто считаю, что у тебя много денег.

Цзи Чэнбинь глубоко вдохнул, словно подавляя что-то внутри.

Сяо Линьюй, увидев это, машинально посмотрел на Цзи Цинцы и задумался, не потянуть ли его за рукав. Если тот продолжит в таком духе, они не то что зарплату не получают — их, чего доброго, выбросят из окна шестьдесят восьмого этажа.

Но Цзи Цинцы совершенно не чувствовал опасности. Он ещё удобнее откинулся в кресле и ослепительно улыбнулся:

— Брат, ну так что? Дашь или нет? Решай быстрее, не тяни. Не соответствует образу властного директора.

Цзи Чэнбинь смотрел на него целых пять секунд, затем внезапно нажал кнопку внутренней связи:

— Финансовый отдел. Проверьте выплаты зарплаты Сяо Линъюю и доложите мне сумму задолженности.

Отключив связь, он холодно бросил Цзи Цинцы:

— Получишь деньги — сразу уйдёшь.

— Договорились! — радостно отозвался Цзи Цинцы, а затем наклонился к уху Сяо Линъюя и тихо сказал: — Видишь? Типичная болезнь властного директора: на словах сопротивляется, а тело честнее.

Сяо Линъюй повернул голову и оказался лицом к лицу с ним. Солнечный свет косо падал из панорамного окна, покрывая белую щёку Цзи Цинцы лёгким золотом. Ресницы отбрасывали тонкие тени, а у губ пряталась довольная улыбка человека, добившегося своего.

Сяо Линъюй опустил глаза и промолчал.

Через три минуты перезвонили из финансового отдела.

Цзи Чэнбинь выслушал, положил трубку и без выражения посмотрел на Цзи Цинцы:

— Триста тысяч. Завтра переведут на счёт Сяо Линъюя.

— Подожди, а как же пятьсот тысяч? — сразу возмутился Цзи Цинцы.

— Моральный ущерб и компенсация за унижение достоинства, — отчеканил Цзи Чэнбинь, — отклонены.

Цзи Цинцы уже собирался спорить, когда Сяо Линъюй вдруг сказал:

— Этого достаточно.

Цзи Цинцы повернулся к нему с видом человека, разочарованного чужой бесхребетностью:

— Да тебя слишком легко удовлетворить! Триста тысяч — всего триста тысяч! Ты знаешь, сколько раньше стоил один мой обед?

Сяо Линъюй спокойно посмотрел на него:

— Достаточно. Спасибо тебе.

Неожиданная благодарность застала Цзи Цинцы врасплох. Все слова застряли в горле, и только спустя долгое мгновение он неловко отвернулся:

— За что благодарить? Я не ради тебя старался.

На губах Сяо Линьюя мелькнула почти незаметная улыбка.

Цзи Чэнбинь наблюдал за странной атмосферой между ними, и его взгляд стал ещё глубже.

— Деньги выплатят, но есть одно условие, — внезапно сказал он.

Цзи Цинцы насторожился:

— Какое?

Цзи Чэнбинь поднялся, подошёл к панорамному окну и, стоя к ним спиной, равнодушно произнёс:

— Послезавтра в старой резиденции семейный банкет. Старый господин хочет увидеть вас обоих.

Цзи Цинцы замер:

— Старый господин? Но мой прадед же...

— Я говорю о нынешнем старом господине семьи Цзи. — Цзи Чэнбинь обернулся и многозначительно посмотрел на Сяо Линьюя. — О твоём деде, которого Сяо Линьюй ещё не встречал.

Сяо Линьюй едва заметно изменился в лице.

Цзи Цинцы понял: речь о деде прежнего владельца тела. Тот круглый год жил в старой резиденции, болел и редко показывался людям. Даже прежний Цзи Цинцы видел его всего несколько раз.

— Он хочет увидеть Сяо Линьюя? — спросил Цзи Цинцы.

Цзи Чэнбинь кивнул:

— Старый господин кое-что услышал и хочет лично посмотреть, что представляет собой этот

«зять-примак, спасший старшего предка семьи Цзи».

Сяо Линьюй опустил глаза, о чём-то думая.

Цзи Цинцы посмотрел на него, затем на Цзи Чэнбиня и внезапно улыбнулся:

— Хорошо. Поедем. Только...

Он поднялся, подошёл к Сяо Линьюю и одним движением обнял его за плечи:

— Если там снова кто-нибудь начнёт бросаться словами вроде «зять-примак» или «беспольный», не говори потом, что я не уважаю чужое лицо.

В глазах Цзи Чэнбиня мелькнуло что-то холодное:

— Ты мне угрожаешь?

— Да нет. — Цзи Цинцы моргнул. — Просто заранее предупреждаю. Ты сам видел: я своих защищаю, а язык у меня длинный. Если начнётся скандал, никому не будет приятно.

Сказав это, он похлопал Сяо Линьюя по плечу:

— Пошли. Домой, готовить.

Цзи Цинцы потащил его к выходу. Уже у двери Сяо Линьюй неожиданно оглянулся на Цзи Чэнбиня.

Их взгляды на краткое мгновение встретились в воздухе: один холодный и глубокий, другой спокойный и непроницаемый. Никто не сумел прочесть мысли другого.

Двери лифта сомкнулись, скрывая всё остальное.

В кабинете Цзи Чэнбинь стоял у панорамного окна и смотрел, как далеко внизу уменьшаются две фигуры.

— Проверьте, с кем Цзи Цинцы встречался последние несколько дней, — внезапно приказал он.

Секретарь кивнула:

— Да.

— И ещё. — Цзи Чэнбинь помолчал, взгляд потемнел. — Выясните, что именно произошло между ним и Сяо Линъюем.

В лифте Цзи Цинцы опирался на поручень и в прекрасном настроении тихо напевал себе под нос.

Сяо Линъюй постоял рядом в молчании, а потом внезапно спросил:

— Почему ты мне помогаешь?

Сегодня он задавал этот вопрос уже второй раз.

Цзи Цинцы повернул к нему голову и с улыбкой приподнял бровь:

— Угадай.

Сяо Линъюй молча смотрел на него.

Лифт спускался всё ниже, цифры сменяли друг друга, освещение менялось.

В тот миг, когда кабина почти достигла первого этажа, Цзи Цинцы внезапно произнёс:

— Может быть, потому что я не люблю смотреть, как чужие обижают моего человека.

Сердце Сяо Линъюя слегка дрогнуло.

— Но, — Цзи Цинцы тут же сменил тон и похлопал его по плечу, — слишком уж не растрогайся. Просто потом нормально готовь мне в благодарность. С завтрашнего дня учим новые блюда. Хочу кисло-сладкие свиные рёбрышки, свинину в остром сычуаньском соусе, тофу мапо...

Глядя на то, как он без умолку перечисляет, Сяо Линъюй снова невольно улыбнулся.

— Чего улыбаешься? — Цзи Цинцы сердито посмотрел на него. — Запомнил или нет?

Сяо Линъюй спрятал улыбку и спокойно ответил:

— Запомнил.

Двери лифта открылись, и Цзи Цинцы широким шагом вышел наружу.

Сяо Линъюй остался на полшага позади и смотрел на его стройную прямую спину всё более глубоким взглядом.

Цзи Цинцы... какой же ты на самом деле человек?

<http://bllate.org/book/20588/2058690>